

18+

Роман Солопов
Уголёк

Роман Солопов

Уголёк

<https://litres.ru/74256973>

ISBN 9785007056854

Аннотация

Осколком стекла

Ничего не исправить...

Мы тонем в своих же рамках.

Мы обещали прийти вчера,

А сегодня танцуем за гранью.....

Содержание

Ищешь скелет в шкафу?	5
А ещё	8
Шел сильный дождь	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Уголёк

Роман Солопов

© Роман Солопов, 2026

ISBN 978-5-0070-5685-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ищешь скелет в шкафу?

Но тут пиджаки
Загляни подальше...
В глубину души

Шёл сильный дождь с самого утра не прекращаясь ни на минуту. За окном серо или даже синяя пелена смешала небо с крышами домов, лишив мир чётких линий. Оставляя за собой лишь темные следы С листков старой сирени, растущего у самого подоконника, тяжело срывались крупные капли. Они падали вниз, одна за другой, безжалостно монотонно. А на тротуаре, в выщербленной временем ямке, медленно скапливалась лужа. В ней, отражались силуэты людей даже в дождь куда то спешащих. Этот промокший насквозь город продолжал свою жизнь проживая его как тысячу обычных дней лишь только укрыв свои головы зонтиком.

Тоска медленно окутывала меня своей пеленой и одним только видом за окном хотелось выбежать на улицу и промокнуть.

А где-то за толщей этих низких, размытых туч, возможно, было солнце. Но здесь, на земле, в это верилось с трудом. Слишком тяжёлой была влага, слишком липкой — тишина, которую нарушал лишь шум дождя.

— Девятый день, — прошептал он одними губами, глядя на то, как мутнеет стекло. — Девятый день... и ни конца, ни края.

За спиной пищали монотонно мониторы редко подвизгивал аппарат ивл а я все продолжал неподвижно наблюдать за дождливой картиной за окном промокшие до нитки люди продолжали свою перебежку между козырьками пытаюсь укрыться от дождя кто то спокойно шел под зонтиком хотя в это время их уже успевали окутать брызгами проежающая машина

Струи хлестали по стеклу, разбивались, растекались, снова собирались в ручейки. Капли срывались с листков клёна — одна за другой, одна за другой — и разбивались о подоконник, о траву, о лужи

С каждой минутой появлялось желание выйти.

Без зонта. Без куртки. Просто открыть дверь и шагнуть под этот ливень. Пусть вода течёт по лицу, по волосам, за воротник куртки. Пусть промокнет всё — до нитки, до последней сухой нити и пусть еще промокнет душа и сердце им тоже полезно хоть раз намокнуть.

За окном уже давно стемнело намокшие до нитки люди уже сидели по теплым квартиркам и наверное заваривали самый вкусный чай какой у них был. Кто то закутывался в теплый плед поглубже один... или со своим любимым.. Тем кому не хватило дождя стояли на балконе и не торопясь курили свою по счету наверное пятнадцатую сигарету а кто то сидел

в ване с мокрым полотенцем успокаивая себя в третий раз за день

Час ночи. Может, два — кто теперь разберёт, когда за окнами такая чернота, что и фонари захлёбываются в ней, как в смоле.

Дождь не прекращался. Он лил, моросил, снова переходил в ливень — жил своей жизнью, не считаясь с тем, что на земле есть люди, которые хотят спать, или плакать, или просто забыться на несколько часов.

А ещё

на земле была собака. Их на земле конечно безумно много но именно та которая сейчас сидела у приемника и которую я видел своими глазами точно была одна. Она по-прежнему сидела у крыльца приёмного отделения.

За эти часы — или дни? — она почти слилась с серым бетоном, с мокрым асфальтом, с этой бесконечной водяной взвесью. Шерсть её свалилась в сосульки, лапы замёрзли, живот подвело от голода — кто и когда в последний раз бросил ей кусок? Она не помнила. Да и не хотела помнить. Её мир теперь сузился до этой двери. До стекла, за которым иногда мелькали люди. До запахов мокрой формы, дешёвого кофе и той самой синей машины, от которой до сих пор осталась память в ноздрах — резина, железо, что-то чужое и страшное.

Она ждала.

Мимо шли люди. Или не шли — неслись. В час ночи у приёмного отделения больницы люди не гуляют. Они прибегают. Выскакивают из темноты, сбивая дыхание, с глазами, которые уже всё видели или боятся увидеть.

Собака провожала их взглядом.

Вот женщина в растянутом свитере, поверх которого накинута пальто на одну пуговицу. Волосы мокрые, прилипли ко лбу. Она не замечает дождя, не замечает луж — перепрыгивает через собаку, даже не взглянув, и бьёт в дверь кула-

ком. Той рукой, в которой зажат телефон. Телефон светится, на экране — кто-то на том конце провода, кого она так и не дозвалась.

Собака провожает её взглядом. В глазах — ни осуждения, ни жалости. Только усталое понимание. Она видела таких. Много. Они всегда кричат про скорую и про то, что кто-то не дышит. Иногда потом выходят — и тогда дышит уже тот, кто выходит. Тяжело, судорожно, как будто воздух вдруг стал густым, как кисель. Иногда не выходят. Тогда приезжают другие машины — белые, с мигалками без звука. И увозят кого-то, закутанного в чёрный полиэтилен.

Собака не понимала, что такое смерть. Но она понимала, что запах, который остаётся после таких машин, — самый страшный. Он перебивает даже дождь.

А вот двое мужчин. Молодые, лет по двадцать пять, в куртках нараспашку. Один держит другого под руку — тот припадает на левую ногу, лицо белое, как мел, а на рубашке расползается тёмное пятно. Кровь. Дождь смывает её, размывает, но не может убрать совсем.

Собака втягивает носом воздух. Железный, терпкий запах. Она знает его. Он приходил вместе с синей машиной.

— Живее, твою мать! — кричит тот, что здоровее, и пинает дверь ногой. — Открывайте!

Они исчезают внутри. Дверь захлопывается. Собака снова остаётся одна.

Она смотрит на маяки.

Другие. Синие, слепящие, которые вспыхивают на крышах машин скорой помощи, когда те подлетают к крыльцу. Они не ждут разрешения — они ревут, разгоняют темноту, заливают всё вокруг мигающим, бешеным светом. Синий. Красный. Синий. Красный или просто синий.....

Собака вздрагивает каждый раз, когда этот свет касается её. Не потому что боится. А потому что маяки всегда приносят с собой суету. Людей, которые выскакивают из белой машины с ящиками и каталками. Крики — короткие, как удары. И запахи. Медицины, спирта, рвоты, паники и иногда — того самого, чёрного, что заставляет поджимать хвост и скулить без звука.

А люди всё бегут. В час ночи, в два, в три — пока дождь не начинает светлеть вместе с рассветом, который всё равно не видно за тучами.

— Ты тоже кого-то ждешь, да?

Не представляешь как иногда хочется поговорить с собакой, а не с людьми

У людей вечно свои проблемы и обиды эта их торопливость

У собаки мне кажется все по другому

Совсем по другому....

С детства мне нравилась одна легенда о собаках, что это ангелы отказавшиеся от рая ради людей

в этом взгляде столько тоски, что человек отворачивается первым. Потому что не выдерживает. Потому что своя тоска

— уже цепью на шее, а чужая — топит окончательно. Маяки скорой помощи мигают синим. Люди бегут, спотыкаются, падают в лужи, встают и бегут дальше.

Сильный. Нудный. Бесконечный дождь....

Шел сильный дождь

И шли люди

Он плакал от боли в груди

Запуская стужу....

Пошли курить сказал, доставая из кармана мятую пачку.
Она посмотрела на дождь и усмехнулась.

— Ну ты же знаешь, я не курю.

— Ну просто постоишь. Подумаешь, уже вытащив сигарету, покрутил её у губ, не зажигая.

— Хех.

— Подышишь, — добавила она, передразнивая интонацию. Голос получился чуть насмешливым, но тёплым.

— Ага, — кивнул он и наконец прикурил. Огонёк зажигалки на секунду высветил лицо — уставшее, с тенями под глазами.

— Ага, — ответила она, пряча руки в карманы пальто.

Они вышли под козырёк — не совсем на улицу, но уже не в помещение. Между двумя мирами. Дождь шумел в двух шагах, тёк по жестяному краю козырька, срывался водяной бахромой прямо перед носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.